

SCYTHICA SUB SPECIE IRANICORUM

(Скифская тематика в трудах Э.А. Грантовского)

В этом году исполнилось бы 70 лет Эдвину Арвидовичу Грантовскому. Ученый милостью Божьей, Э.А. Грантовский был не только замечательным иранистом, но специалистом необычайно широкого профиля, инициатором целого ряда исследовательских проектов в деле изучения древнего Востока. При необходимости он выступал и незаурядным организатором, самоотверженно тратившим на административные обязанности оторванное от любимой работы время, которого, как мы теперь знаем, ему было отпущено так немного. Сотрудники Отдела древнего Востока Института востоковедения РАН, которым посчастливилось много лет работать бок о бок с этим замечательным человеком, сейчас с особенной остротой ощущают, насколько важно было для них и деловое, и неформальное общение с ним, как много идей – порой целенаправленно, а порой и ненароком, походя – подарил он своим сотрудникам.

Коллеги Э.А. Грантовского, чья его память, в этом году уже в третий раз проводят посвященную ему научную конференцию. Первая такая конференция прошла в 1996 г., вторая – в 2000 г.¹ В этот раз юбилейная дата послужила для организаторов конференции побудительным мотивом включить в ее повестку наряду с выступлениями, в основном соответствующими кругу интересов их почитаемого коллеги, доклад об одной из граней научной деятельности самого Э.А. Грантовского. Дополненный и переработанный текст этого доклада предлагается вниманию читателей журнала.

Темой нашего рассмотрения является тот аспект изучения истории и культуры ираноязычных народов древности, который зачастую остается на далекой периферии иранистики, – скифология. Правда, после работ В.Ф. Миллера, М. Фасмера и В.И. Абаева признание этноязыковой принадлежности скифов к иранскому миру стало в науке общим местом. Но если при лингвистическом анализе ираноязычие скифов принимается как данность, вследствие чего для толкования сохранившихся фрагментов языка избирается соответствующий контекст, то изучение явлений скифской культуры, запечатленных античными авторами, и тем паче – материальных остатков деятельности скифов, полученных в ходе археологических раскопок, зачастую проводится без полноценного учета этнической принадлежности их создателей. Из того же, что исследовано в скифской культуре профессионалами-иранистами, лишь небольшая часть становится достоянием скифологов и входит в их рабочий арсенал.

Между тем, скифология – одна из тех кажущихся периферийными ввиду отсутствия полноценных письменных источников областей науки, где от исследователя требуется одинаково хорошо ориентироваться в совершенно разных сферах, от чего избавлены специалисты в классических дисциплинах, лучше обеспеченных материалом. Если античник может иметь лишь самое общее представление об иранистике, а египтолог – об ассириологии, то скифологу – в идеале – необходимо профессионально разбираться в археологии (откуда происходит основная масса материалов), иранистике (поскольку отрывочные данные о языке, мифологии и социальной структуре скифов невозможно адекватно истолковать без учета иных иранских материалов), античной истории и источниковедении (ибо сколько-нибудь пространные и связанные сведения о скифах дошли до нас в передаче античных авторов, и при их интерпретации приходится делать поправку на специфику античной традиции), ассириологии (поскольку сведения о пребывании скифов в Передней Азии содержатся в ассирийских текстах, и от их далеко не однозначной датировки зависит хронология раннескифской истории) и в ряде других дисциплин – этнологии, фольклористике и т.п. Каким бы тривиальным ни казалось это утверждение, в реальной жизни дело, как правило, обстояло и обстоит иначе. Занимавшиеся скифологией знатоки классических языков и археологии (М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков и др.) не были иранистами; иранисты не изучали профессионально археологический материал; большинство же современных скифологов составляют чистые археологи, в чьих работах письменные источники, по выражению Э.А. Грантовского, не исследуются, а лишь привлекаются².

¹ Тезисы докладов обеих конференций опубликованы. См: Древность: историческое знание и специфика источника. Тез. докл. конф., посвященной памяти Э.А. Грантовского. М., 1996; то же. М., 2000.

² НАА. 1980. № 6. С. 68.

Для Э.А. Грантовского с первых его шагов на поприще изучения истории и культуры древних иранцев стала очевидной сложившаяся за многие десятилетия однобокость отечественного скифоведения. При этом он прекрасно сознавал, что, даже когда индоиранский материал использовался при толковании скифологических проблем, «иранисты или вообще индоевропеисты, а также осетиноведы, касаясь тех или иных вопросов социального строя скифов (добавим: и иных проблем скифоведения. – С.К., Д.Р.), специально этими проблемами не занимались, так что сравнительные исследования в области «иранистики и изучение общественного строя скифов в целом до сих пор, по существу, не совмещены»³. Таким образом, ему было очевидно, что интересующий нас аспект ирановедения в целом недостаточно проработан как скифологами, так и востоковедами-иранистами.

Для того, чтобы превратить изучение скифов в неотъемлемую часть иранистики, которой он посвятил свою жизнь, исследователь всесторонне изучил весь круг скифологических источников: сохранившиеся остатки скифской лексики, связанные со скифской историей клинописные свидетельства, описания Скифии и ее обитателей в трудах античных авторов и, наконец, археологические материалы, полученные в процессе раскопок памятников евразийских степей. Без всякой натяжки можно утверждать, что в наше время практически никто из причастных к скифологии специалистов и в России, и за рубежом не владеет этими материалами в их совокупности на таком уровне, как им владел Э.А. Грантовский. Он счастливо соединял в себе ираниста и античника, знатока археологического материала и сравнительно-исторического языкознания. Это позволило ему во всеоружии анализировать данные о скифах сквозь призму иранистики и тем самым активно развивать скифологию; с другой стороны, он считал необходимым постоянно привлекать эти данные к рассмотрению общеиранской проблематики, что существенно обогащало контекст его иранистических штудий.

Много лет проработав бок о бок с Э.А. Грантовским в московском Институте востоковедения, мы не раз убеждались, насколько более рельефным, чем у нас и наших коллег, был его взгляд и на Скифию, и на другие древнеиранские народы. Вместе с тем приходится с грустью признать, что предпринятые Э.А. Грантовским толкования скифского материала до сих пор в очень малой степени внедрены в скифологию, которая по-прежнему остается достаточно автономной областью науки о древнем мире. Так, ставшая уже классической работа Э.А. Грантовского «Ранняя история иранских племен Передней Азии»⁴ почти не используется скифологами, поскольку, как ни обидно это констатировать, большинству из них неизвестно, сколько ценных данных, непосредственно связанных с изучаемым ими народом, могли бы они почерпнуть на ее страницах. Ситуацию усугубляет и произведенное в процессе публикации книги сокращение ее объема за счет изъятия из нее указателей, способных многократно облегчить пользование ею. Что касается специально посвященных скифской тематике работ Э.А. Грантовского, то скифологи порой не воспринимают значительную часть их содержания, поскольку не имеют навыка работы с иранистическим материалом, зачастую достаточно фрагментарным и потому мало пригодным для облегченной трактовки⁵.

Все отмеченные обстоятельства побудили нас подготовить для издания сборник принадлежащих перу Э.А. Грантовского статей и выдержек из монографий, посвященных скифской тематике. Пока публикация этого сборника не осуществлена, мы сочли целесообразным проанализировать содержание включенных в него работ на страницах «Вестника древней истории». Нам повезло быть коллегами и сотрудниками человека, живое общение с которым в немалой степени компенсировало уязвимость принятого в нашей науке подхода к проблемам скифоведения. Нужно сказать, что устный разбор Э.А. Грантовским материалов по скифской тематике почти всегда оказывался намного богаче и разнообразнее, чем по

³ Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 61.

⁴ Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

⁵ Скифологи, впрочем, порой игнорируют и те замечания Э.А. Грантовского, понимание которых не требует специальных знаний. Так, А.М. Хазанов в книге «Социальная история скифов» (М., 1975. С. 218) писал о вождях переднеазиатских скифов: «В отличие от Ишпака, которого ассирийские источники называют просто “вождем”, Партагуа именуется “царем”...». Э.А. Грантовский указал, что «положения эти основаны не на источниках, а на неточно понятых словах И.М. Дяконова, по которому Партагуа называется «определенно ‘царем’, а не просто скифским вождем, ‘скифом’» – слово источника тут не “вождь”, а “скиф”» (Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 135). Тем не менее, не так давно С.В. Махортых (Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. № 2. С. 97. Прим. 12) повторил приведенное утверждение А.М. Хазанова. См. об этом: Иванчик А.И. Современное состояние киммерийской проблемы. Итоги дискуссии // ВДИ. 1999. № 2. С. 89.

необходимости сокращенное печатное его воплощение. К сожалению, основывать эту статью нам приходится почти исключительно на опубликованном наследии нашего коллеги, лишь иногда дополняя собственными воспоминаниями о сохранившихся в памяти замечаниях Э.А. Грантовского по затрагиваемым темам.

Первая из работ интересующего нас плана – «Индо-иранские касты у скифов»⁶ – была представлена Э.А. Грантовским в качестве доклада на XXV Международный конгресс востоковедов, проходивший в Москве в 1960 г. К сожалению, кроме издания отдельной брошюры в качестве препринта, эта работа никогда не публиковалась. Зато в таком качестве она была издана не только по-русски, но и по-немецки, что в какой-то степени познакомило с молодым российским исследователем зарубежную научную общественность.

Этот доклад уточняет и развивает широко ныне известную идею Ж. Дюмезиля о трехуровневой (трехварновой) структуре индоевропейского общества, впервые разработанную этим автором именно на скифском материале и в 1930 г. изложенную им в статье о предистории индо-иранских каст⁷. Сейчас трудно себе представить, что на протяжении 30 лет, разделяющих эту статью и рассматриваемый доклад Э.А. Грантовского, идея, связанная с традиционной прежде всего для отечественной науки скифской проблемой, не нашла практически никакого отклика в российской специальной литературе. Э.А. Грантовский первым познакомил тогдашнюю научную аудиторию СССР с концепцией Дюмезиля⁸, и уже за одно это наша скифология должна быть ему признательна. Но названный доклад явился отнюдь не рефератом чужой работы, а заметным прорывом в изучении рассматриваемой проблемы.

Упомянутая статья Ж. Дюмезиля построена на интерпретации скифского генеалогического мифа, известного прежде всего в изложении Геродота (IV. 5–6). Э.А. Грантовский, приняв в целом концепцию французского исследователя, во многом расширил ее, оспорив в то же время некоторые ее аспекты и подкрепляющие их доводы. При этом в рассматриваемой работе заметен ряд особенностей, позже ставших отличительными для исследовательского метода Э.А. Грантовского в целом. Так, в ней значительно пополнен по сравнению с работами предшественников круг рассматриваемых источников. Помимо тех сохранных в античной литературе изложений скифского генеалогического мифа, которые традиционно использовались в отечественных и зарубежных исследованиях – в работах Вс. Миллера, А. Кристенсена, Ж. Дюмезиля, Э. Бенвениста, В.И. Абаева, М.И. Артамонова, Б.Н. Гракова и др., автор привлек практически не затрагивавшиеся в такой связи ранее фрагменты «Аргонавтики» Валерия Флакка, а также иной по характеру – мифологический – пассаж Лукиана (Scyth. 1). Это позволило Э.А. Грантовскому соотнести между собой все фигурирующие в скифском сюжете смысловые триады и обосновать системное его толкование: развивая и уточняя идею Ж. Дюмезиля и частично – коснувшегося того же мифа Ж. Бенвениста, он связал воедино образцы трех сыновей скифского первочеловека Таргитая, семантику их имен, олицетворяемые в этих персонажах зоны вселенной, функции упавших с неба атрибутов и названия возводимых к упомянутым персонажам родов (resp. вар.). Весьма существенным в этой связи стало толкование имени одного из братьев-родоначальников – Липоксая – как связанного с наименованием фигурирующих в скифской мифологии Рипейских гор и означающего «Владыка гор». Так получили завершение намеченная в работах предшественников космологическая интерпретация скифского мира и обоснование ее связи с этиологией социальной структуры общества скифов. Э.А. Грантовский доказал принадлежность скифского рода паралатов к сословно-кастовой группе царей и военной аристократии, рода авхатов – к жречеству, а катиаров и траспиев – к рядовым общинникам. Упомянутый же пассаж из новеллы Лукиана продемонстрировал реальное бытование запечатленного в мифе членения на «касты» в скифском обществе.

В этом случае, как бывало часто, выводы Э.А. Грантовского, которые он обычно сознательно ограничивал пределами иранистики, имели принципиальное значение для исследования более широкого круга проблем и культур. Так, именно приведенные им веские доводы в пользу того, что отраженный в скифской генеалогической легенде порядок, при

⁶ Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

⁷ Dumézil G. La préhistoire indo-iranienne des castes // JA. 1930. 216.

⁸ Лишь через полтора десятилетия после публикации названной работы Э.А. Грантовского той же проблеме специальную статью посвятил А.М. Хазанов (Скифское общество в трудах Ж. Дюмезиля // ВДИ. 1974. № 3), который, впрочем, почти целиком обошел вниманием взгляды своего предшественника.

котором именно младший брат становится родоначальником царей (resp. воинов)⁹, послужили толчком к выдвигению гипотезы, согласно которой истоки индийской системы варн следует искать в возрастных классах первобытного общества¹⁰, и соображений о роли половозрастной стратификации в формировании праиндоевропейских социальных институтов¹¹.

Так был рассмотрен исследователем восходящий к собственно скифскому фольклору мифологический сюжет и реконструирована его многозначная семантика. При этом все уровни смысла мифа Э.А. Грантовский рассматривал на фоне сравнения с иранскими и иными восточными материалами. Добавим, что, вернувшись впоследствии к этой теме в другой своей работе, Э.А. Грантовский еще более однозначно высказался в поддержку тезиса о скифском происхождении рассмотренного фольклорного сюжета¹², отметив диалектное единство сохранных в его греческой передаче скифских (иранских) лексем и «характер целостной фольклорной записи» этого отрывка у Геродота¹³.

Как уже отмечалось, широко представлена скифская тематика и в первой книге Э.А. Грантовского – «Ранняя история иранских племен Передней Азии», хотя о скифах как таковых в ней речи не было. Однако при анализе иранских имен, сохранившихся в передаче клинописных источников, Э.А. Грантовский постоянно обращался к скифскому материалу и сделал ряд ценных собственно скифологических наблюдений. Так, именно в этой монографии впервые сказано, что среди приближенных скифских царей были царские вестники-герольды, подобные герольдам, объявлявшим волю царя подданным при дворах мидийских и персидских царей, а также авестийскому божественному вестнику *Nairyō.sanha* при Ахурамазде¹⁴. Тем самым была дана принципиально новая трактовка статуса царских слуг-феропантов, которую Э.А. Грантовский развил в последующих работах (см. ниже).

В той же книге (напомним, написанной историком и об истории, притом не скифской) ученый обратился к имеющимся в нашем распоряжении данным о скифском языке (впервые он коснулся этой проблемы еще в работе 1960 г.¹⁵). Как известно, язык, принесенный в Северное Причерноморье в результате засвидетельствованного античной традицией продвижения скифов с востока около VIII в. до н.э., принадлежал к диалектам восточноиранской группы, как и язык сарматских племен, положивших в III–II вв. конец господству скифов в этом регионе¹⁶. Вместе с тем, обобщив данные о фонетических особенностях скифских диалектов, собранные его предшественниками, в первую очередь В.А. Абаевым, а также собственные наблюдения, Э.А. Грантовский отметил, что сохранившееся в греческой передаче наименование скифских царей *παράλται* при сравнении с авестийским названием первых иранских царей – *paṛaθāta* («поставленные впереди») демонстрирует переход $\lambda < \delta$ ¹⁷. Эта особенность сближает диалект скифов царских не с осетинским, а с такими языками, как пашто, мунджанский, йидга

⁹ О том, что три брата легенды суть представители возрастных групп, писал еще В. Бранденштейн (*Brandenstein W. Die Abstammungssagen der Skythen // WZKM. 1953. 52. Ht 1/2. S. 201 f.*).

¹⁰ Берзин Э.О. Сивка-Бурка, вещая Каурка, или древняя Европа в зеркале мифов и сказок // Знание – сила. 1986. № 11.

¹¹ Kullanda S. Indo-European «Kinship Terms» Revisited // *Current Anthropology*. V. 43. № 1. February. 2002.

¹² Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология*. М., 1984. С. 51.

¹³ Предложенное Э.А. Грантовским толкование рассмотренного скифского мифа встретило критическую оценку Ж. Дюмезиля (см. *Dumézil G. La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles? // III. 1962. V. V. № 3*. Эти возражения повторены в книге: *Dumézil G. Romans de Scythie et d'allentour*. P., 1978; сокращенный русский перевод см. *Дюмезиль Ж. Скифы и нарты*. М., 1990. С. 132 сл.). Разбирать здесь суть разногласий в трактовке скифского мифа между Ж. Дюмезилем и Э.А. Грантовским вряд ли уместно. Скажем лишь, что, по нашему мнению, первый недооценил системный характер доводов своего оппонента. Подробнее см. *Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М., 1977.

¹⁴ Грантовский. Ранняя история. ... С. 230. Прим. 36.

¹⁵ Он же. Индо-иранские касты... С. 20. Прим. 28.

¹⁶ Об изоглоссах, объединяющих осетинский, чья принадлежность к восточноиранским не вызывает сомнений, с иранскими именами Северного Причерноморья, сохранившимися в греческой передаче, см. *Миллер В.Ф. Осетинские этюды*. Ч. III. Исследования. М., 1887. С. 82–83.

¹⁷ Тот же переход наблюдается и в *Σκόλοτοι* (восходит, по-видимому, к **škula-* из **škuda-* *škula-ta, с показателем множественности *-ta), а также в других именах из Скифии, засвидетельствованных у античных авторов: *Σκύλης* (Скил, имя скифского царя), *Scoloritus* (*Skulapitā – «отец скифов», имя скифского царя у Помпея Трога: *Just. II. 4. 1*).

и мертвый бактрийский, распространенными на территории современного Афганистана и относящимися к так называемой «юго-восточной» подгруппе восточноиранских языков (хотя и в осетинском отмечен ряд изоглосс, сближающих его с пашто).

Но известный с VII–V вв. до н.э. иранский ономастический материал из Юго-Восточной Европы отражает еще и иную диалектную норму с чертами, противопоставляемыми тем, которые устанавливаются для восточноиранских скифского и сармато-аланских диалектов. Это так называемые «юго-западные» формы, демонстрирующие то же фонетическое развитие, что и язык древнеперсидских надписей¹⁸.

На основании этих (и других, привести которые в данной статье не представляется возможным из-за недостатка места) данных Э.А. Грантовский поставил под сомнение обычное положение, по которому распространение иранского элемента в Юго-Восточной Европе связано прежде всего с продвижением с востока скифов в VIII в. до н.э. (хотя само это движение он считал историческим фактом). Ираноязычное население, по его мнению, обитало в Северном Причерноморье и соседних районах и до миграций с востока, из Поволжья и Приуралья (некоторые группы сарматов). Западноиранским, по крайней мере частично, было, судя по ономастике, и население Боспорского царства. Скифы, говорившие на различных восточноиранских диалектах, встретили в Северном Причерноморье и, возможно, в Предкавказье и на Кавказе ираноязычное население, говорившее на западноиранских диалектах, и, очевидно, смешались с ним, поскольку некоторые «юго-западные» формы вошли в осетинский язык (хотя по крайней мере часть из них могла появиться и в результате более ранних контактов носителей уже разошедшихся иранских диалектов между собой). Таким образом, приведенные Э.А. Грантовским сведения дают основания считать, что в этногенезе скифов приняли участие носители «юго-восточных» иранских диалектов, родственных современным пашто, мунджанскому, йидга и мертвому бактрийскому, носители «северо-восточных», родственных осетинскому, и «юго-западных» диалектов.

Обратился Э.А. Грантовский в той же монографии и к сообщению Геродота (I. 202; ср. также IV. 75) о вдыхании скифами дыма сжигаемой конопля как средстве экстатического возбуждения. Он отметил, что авестийское *baŋha* связано общим происхождением с др.-инд. *bhaṅgā* «конопля», «наркотик из конопля», и, следовательно, о наркотических свойствах конопля арии знали еще в период обитания в пределах евразийских степей¹⁹. На употребление

¹⁸ На древнее и независимое от персидско-ахеменидского влияния бытование «юго-западных» форм в Юго-Восточной Европе указывают имена скифских царей в Северном Причерноморье VII – первой половины V в. до н.э.: *Σπαργαπέλης* и *Ἀριστελῆς* (Геродот. IV. 76. 78; первый из них был прапрадедом современника Дария I и жил, следовательно, в первой половине или середине VII в. до н.э.), из иранского *Spargaraiva («подобный юной лозе/?/», ср. авестийское *spaṅṅa* «побег, отросток») и *Aryaiva («имеющий арийский облик»). В обоих случаях мы имеем рефлекс иранского **raisa-* «вид», «обличье» с характерным «юго-западным» *θ* вместо присущего всем прочим иранским диалектным общностям *s*. То же имя *Spargaraiva, уже в общеиранской форме, носил массагет *Σπαργαπίτης* (Геродот. I. 211, 213) (Грантовский. Ранняя история... С. 162). Именно опираясь на эти бесспорные данные о существовании в скифском форм, фонетически восходящих к юго-западным иранским диалектам, Э.А. Грантовский предложил взамен предлагавшихся ранее новую этимологию важного осетинского социального термина *aɛdār* (из *aɛdār, ср. дигорское *aɛdaŋ* «старшина», «начальник», «господин», «князь»; о том, что этот титул существовал в скифском, говорит скифо-сарматское имя *Arbaros (также с иранским суффиксом *-ka* - *Ἀρδάρωκος*). Э.А. Грантовский предложил трактовать слово как «юго-западно-иранскую» фонетическую форму в восточноиранском скифском, с характерным для юго-западных диалектов *-d-* вместо ожидаемого **-z-* (подобные «нерегулярные» формы не единожды встречаются в осетинском и скифском). В таком случае указанный скифо-сармато-осетинский термин – наиболее вероятно древнеиранское *ardāra – можно связать с авестийским *arəzah* «бой», «сражение», «боевой строй», ср. *arəzaunt* – «сражающийся». В этом случае *ardāra либо имеет суффикс *-ra/āra* (ср. авестийское имя *Vanāra*, очевидно, от *van-* «побеждать»), либо образовано с глаголом *ag-* в одном из его значений, наиболее вероятно «двигать(ся)», т.е. «двигающийся в сражении» или «двигающий бой», ср. образованное от той же основы при помощи сходного по значению глагольного корня *šuyā-* авестийское *arəzō.šūta* – «выводимый на бой», «ведомый в бой» (Грантовский. Ранняя история... С. 214–216).

¹⁹ Правда, авестийское *baŋha*, по-видимому, – не конопля (во всяком случае не только конопля), а скорее белена, как и среднеперсидское *maŋg*, однако и белена используется как культовое экстатическое средство. Это использование белены отражено в среднеперсидском сказании об Арда Виразе, который, приняв экстракт белены (*maŋg*), впал на семь дней в бессознательное состояние, когда ему было видение рая и ада (Грантовский. Ранняя история... С. 287).

важна как экстагического средства в древнеиранскую эпоху ясно указывает и отмечавшееся еще Б. Мункачи наличие этого слова среди иранских заимствований в обско-угорских языках: *pañh*, *pañh* «мухомор», «хмель (опьянение)», а как известно, при ворожбе шаманы ели мухоморы или пили настои из них, следствием чего были галлюцинации²⁰. Таким образом, Э.А. Грантовский привел дополнительные аргументы в пользу высказанной К. Мойли гипотезы о воскурении скифами конопля как элементе шаманского камлания и продемонстрировал индоиранские корни этого обычая. В дальнейшем тема скифского и индоиранского шаманизма была подробно разработана в книге «От Скифии до Индии» (см. ниже).

Писал Э.А. Грантовский в «Ранней истории...» и о скифских жрецах-андрогинах – энареях, приводя в качестве параллелей культы андрогинных божеств в других частях иранского мира²¹.

Для Эдвина Арвидовича древняя история была не просто предметом профессиональных занятий. Он, без преувеличения, жил ею и с воодушевлением рассказывал о любимой иранистике и в институтской курилке, и за дружеским столом, но при этом далеко не всегда находил время оформить свои идеи в виде научных работ. Зная эту слабость, друзья и коллеги всячески старались подбить его написать хотя бы популярную заметку, не требующую научного аппарата, чтобы донести до читателей самые интересные его гипотезы и открытия.

В частности, многие идеи, вошедшие впоследствии в книги (как и то, к чему Э.А. Грантовский не нашел времени вернуться), были впервые опубликованы в популярных изданиях – иногда самостоятельно, чаще в соавторстве²².

Начатая популярными статьями работа была в дальнейшем успешно продолжена и вылилась в опубликованную в 1974 г. книжку, созданную тандемом двух специалистов по истории и культуре древних арийских народов – индологом Г.М. Бонгард-Левиним и иранистом Э.А. Грантовским²³. Научно-популярная по форме, книжка эта по богатству оригинальных идей и по серьезности их обоснования не уступает научным монографиям. В ней проанализированы общие для древних индоариев, иранцев Передней Азии и ираноязычных обитателей евразийских степей представления о северных областях Земли и отражение сведений о них в арийской мифологии. Ввиду принятого авторами тематического разделения труда разделы о скифах и их соседях написаны преимущественно Э.А. Грантовским.

Одним из важнейших элементов этой работы стал анализ донесенных до нас античной традицией скифских представлений о полярных явлениях на далекой северной окраине обитаемой вселенной. Их осмысление на фоне рассмотрения аналогичных представлений, сохранившихся у других арийских народов, позволило авторам, в частности, показать, что ряд живших «за Скифией» племен обитал не к востоку, как иногда полагают, а к северу от нее. К сожалению, это толкование так и не было воспринято многими отечественными скифологами (см., к примеру, серию новейших работ Н.В. Полосьмак, Д.А. Мачинского и др.), хотя оно весьма существенно для толкования этногеографии арийских народов, в том числе скифов.

Проведенный Г.М. Бонгард-Левиним и Э.А. Грантовским анализ данных о мифической географии ариев в совокупности с иными свидетельствами сыграл важную роль в воссоздании предыстории всего индоиранского мира, так как позволил с совершенно новых позиций серьезно аргументировать локализацию прародины входящих в него народов в евразийском степном поясе, в точнее – в той его части, которая находится на стыке Европы и Азии. Таким образом, скифологическая тематика, соотношенная с данными иных древних арийских культур, вывела авторов на одну из острейших проблем индоиранистики, предложив абсолютно нетривиальные аргументы ее решения.

В те же годы обсуждение вопроса о местоположении прародины ариев было активизировано серией работ Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова об индоевропейцах. В них обстоятельно рассматривалась проблема миграций народов этой семьи по разным областям

²⁰ Там же. С. 286–287.

²¹ Там же. С. 303–305.

²² *Grantovsky E. Hindu Temple in Azerbaijan // Soviet Land. V. X. № 13. July 1957. P. 18–19, 40; Berzin E., Grantovsky E. Kinsmen of Indians on Black Sea Shores // Soviet Land. V. XV. № 10. May 1962. P. 26–27; Bongard-Levin G., Grantovsky E. Is Arctic the Original Home of Indians? // Soviet Land. V. XXI. № 12. June 1968. P. 38–39; № 13, July 1968. P. 26–27; Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Если спросите, откуда эти саги и сказанья... // Знание – сила. Сентябрь 1974. № 9. С. 23–26; они же. В поисках скифского эпоса // Курьер Юнеско. Тематический выпуск «Скифы». Январь 1977. С. 42–47.*

²³ *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974.*

Старого Света²⁴, и мнение авторов о происхождении и перемещениях индоиранцев существенно расходилось со взглядами Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского. Размышления последних на эту тему вылились в появление во втором отечественном издании разбираемой работы (следует заметить, что, помимо СССР, она была опубликована и в целом ряде зарубежных стран) дополнительной главы, содержащей общий очерк об индоиранских народах древности и о проблеме их происхождения²⁵. Включение в книгу главы «Древние арии: прародина, время и пути расселения» обусловило появление нового, более емкого ее подзаголовка²⁶.

Вскоре после выхода первого издания книги «От Скифии до Индии» Э.А. Грантовский стал ответственным редактором книги одного из авторов данной статьи²⁷. К своим обязанностям он подошел не формально, как часто бывает, а творчески, привнес в работу над рукописью свойственный ему исследовательский азарт. Автор книги сохранил, в частности, благодарную память о том, как в ходе работы с редактором тот предложил важные сопоставления между скифской и иными иранскими традициями, во многом обогатившие предложенную реконструкцию.

Причиной нового активного обращения Э.А. Грантовского к скифологической тематике явилось появление монографии А.М. Хазанова о социальной истории скифов²⁸. Намерение Э.А. Грантовского критически откликнуться на эту работу было более чем естественным: А.М. Хазанов посвятил ее истории социальных отношений в одном из древних обществ, что требовало обращения и к вопросам источниковедения, т.е. сосредоточился на тех двух аспектах исторической науки, которые более всего привлекали Э.А. Грантовского при исследовании не только скифов, но любой из затрагивавшихся им проблем. Если при этом учесть, что многие пассажи этого плана в работе А.М. Хазанова вызвали у Э.А. Грантовского весьма серьезные методологические, методические и конкретно-интерпретационные возражения, а предшествующие собственные исследования обеспечили ему доскональное знакомство с проблемой, то его критической реакции на книгу следовало ожидать.

Первым звеном критики стало выступление на защите А.М. Хазановым в конце 1976 г. докторской диссертации по упомянутой монографии. Оно вызвало негодование ряда коллег, не вникших в суть высказанных замечаний, но полагавших, что защита – дело сугубо формальное, не имеющее никакого отношения к науке. Э.А. Грантовский, однако, считал иначе. Он стремился к выяснению истины и никогда не выбирал, где отстаивать свою точку зрения, а где промолчать, что доставило ему в жизни много тяжелых минут. Так случилось и на этот раз, причем в особенно болезненной форме: автора критического выступления постарались представить среди не слишком знавших его людей завистником, не имеющим представления о скифологии²⁹.

²⁴ Основы названной концепции были к описываемому времени изложены в статьях: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общейиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3; *они же.* Миграции племен – носителей индоевропейских диалектов с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. Позже, как известно, эта концепция была подробно обоснована в кн.: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

²⁵ Смысл этой главы во многом соотносится с другими работами Э.А. Грантовского, написанными примерно в то же время и посвященными этому кругу проблем. См., к примеру, доклад «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы», прочитанный на Международном симпозиуме в Душанбе осенью 1977 г. и позже опубликованный в сборнике «Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности» (М., 1981).

²⁶ *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 2-е. М., 1983. Третье издание этой работы, текст которой повторяет второе издание, опубликовано в 2001 г.

²⁷ *Раевский.* Очерки идеологии скифо-сакских племен.

²⁸ *Хазанов.* Социальная история скифов.

²⁹ Здесь мы не можем не привести одно личное воспоминание. Отвечая в ходе защиты диссертации на критику Э.А. Грантовского, А.М. Хазанов не без сарказма выразил удовлетворение по поводу того, что появление его книги стимулировало обращение его оппонента к прежде вовсе не интересовавшей скифской тематике. Полагаем, что знакомство с данной статьей не оставит у читателя сомнений: историю и культуру скифов Э.А. Грантовский профессионально изучал еще в те годы, когда А.М. Хазанов был студентом, и впоследствии, даже занимаясь формально другими темами, не оставлял занятий скифологией.

На Э.А. Грантовского, однако, запрещенные приемы не подействовали. Он решил критически разобрать в печати подход А.М. Хазанова к изучению скифского общества. Письменные работы он всегда создавал достаточно медленно, а перенос на бумагу полемических суждений, высказанных в ходе защиты, требовал особенно скрупулезного уточнения аргументации, а также разного рода рутинной подготовки, хорошо знакомой всем исследователям. В то же время некоторые авторитетные ученые из ложно понятых дружеских чувств по отношению к А.М. Хазанову тормозили издание статьи Э.А. Грантовского, которая в результате была опубликована лишь через четыре года после обнародования основных ее положений³⁰. На качество работы эти перипетии, впрочем, не повлияли. Она явилась образцом того, какую роль при умелом использовании могут сыграть в изучении социального строя скифов материалы и методы иранистики, и примером скрупулезного источниковедческого анализа античных источников применительно к скифологии.

Одной из ключевых претензий Э.А. Грантовского к монографии А.М. Хазанова стало то, что в своей трактовке скифской социальной истории последний исходил из априорного постулата, согласно которому массовый переход евразийских степных племен в начале I тыс. до н.э. к номадизму привел к далекому их отклонению от образа жизни и представлений, порожденных общеиранской скотоводческо-земледельческой моделью II тыс. до н.э. Поэтому А.М. Хазанов в значительной мере опирался на сопоставление скифских реалий или реконструируемых явлений социальной практики с теми особенностями бытия разных кочевых народов мира, которые, не считаясь с этническим, территориальным и хронологическим факторами, рассматривал как типологические параллели скифскому миру. Сведения же о социальной организации родственных скифам ираноязычных народов, имевших единую с ними предысторию и общие истоки культуры, А.М. Хазановым по существу вовсе не привлекались как нерелевантные для воссоздания скифской социальной истории. Не менее существенным недостатком монографии явилось то, что в ней полностью отсутствовал источниковедческий анализ античных свидетельств о скифах.

Для того чтобы продемонстрировать неправомерность подобного подхода, нужно было досконально знать и зачастую весьма разрозненные и трудные для толкования свидетельства о социальных институтах и традициях иранских народов, и специфику античных источников. Именно такое знание демонстрировал в своих скифологических работах Э.А. Грантовский, что и позволило ему, оценивая работу А.М. Хазанова, с полным правом заметить, что если в ней отсутствуют такие элементы научного анализа, как рассмотрение встречающихся в текстах социальных терминов, учет контекста, в котором они употреблены, сопоставление со случаями их применения к социальным институтам других древних народов и т.п., то «конечно, без всего этого исследователь может чувствовать себя привольнее на широком просторе кочевнических параллелей и основанных на них общих соображений. Но считать такие положения вытекающими из конкретного анализа древнего материала трудно»³¹.

Нет смысла излагать все приведенные в процитированной статье случаи анализа в предложенном ключе материалов по скифской социальной истории: никакое изложение не заменит читателю реального знакомства с детальным, целиком основанным на источниках и при этом на редкость изящным толкованием рассмотренных в ней данных. Позволим себе остановиться лишь на одном весьма показательном примере.

Речь идет о трактовке неоднократно привлекавшего внимание исследователей пассажа Геродота (IV. 71–72) о «ферапонтах» (φεράποντες, досл. «служителях») – лицах, погребавших вместе с умершим скифским царем. Рассмотрев словоупотребление терминов, которыми в упомянутом отрывке обозначен этот слой в целом и отдельные его представители, в иных контекстах «Истории» Геродота, а также в других античных источниках, Э.А. Грантовский пришел к заключению, что интересующие нас персонажи были не рабами или представителями зависимого населения, как в частности полагал А.М. Хазанов, а свободными благородными соплеменниками царя. Такое толкование он подтвердил, среди прочего, примерами из практики различных древних царских дворов, в том числе ахеменидского, где те, кого греки называли ἵπποκόμος, ἀγγελιφόρος, οὐλοχός и др., – это высокие придворные чины, которые в русском переводе более или менее адекватно могут быть переданы наименованиями «конюший», «вестник», «чашник» и т.п. Среди наиболее показательных аргументов, подтверждающих предложенное толкование социального статуса этих погребавших вместе с царем приближенных, важное значение имеет трактовка так называемого «вестника». Придворные этого ранга известны в мидийской и персидской традициях, где они были лицами, «осуществлявшими

³⁰ Грантовский. Проблемы изучения...

³¹ Там же. С. 145.

связь царя с подданными, объявлявшими его волю, допускавшими к аудиенции и пр.», т.е. выполняли функции, связанные с представлениями о священной природе власти высшего лица племени, а позже – царства³².

Такими же знатными ферапонтами, по Э.А. Грантовскому, являлись и упомянутые Геродотом пятьдесят юношей, которых умерщвляли через год после смерти скифского царя и помещали на чучелах коней вокруг царского кургана. То были представители «свободной и знатной молодежи», которой «принадлежали право и обязанность находиться и воспитываться в центре племени или царства и при царе в качестве его слуг, составлять отдельные отряды, служить на границе и т.д.»³³. Роль этой возрастной группы в социальной жизни древнеиранских народов была весьма важной.

Приведенный пример свидетельствует, насколько существенно привлечение в процессе толкования скифской социальной истории как можно более обширного круга данных о других иранских традициях. Однако в книге А.М. Хазанова, по замечанию Э.А. Грантовского, приведено всего два иранских слова³⁴. Остается лишь пожалеть, что автор монографии о социальной истории скифов не прислушался к методологическим замечаниям и конкретным трактовкам своего оппонента и тем самым лишил себя возможности намного повысить достоверность собственных изысканий.

Связанное с исследованием скифской социальной истории пристальное внимание Э.А. Грантовского к широкому кругу источников по этой тематике вылилось не только в статью «Проблемы изучения общественного строя скифов», где основное внимание было уделено теоретическим аспектам проблемы, но позволило довести до публикации анализ давно интересовавших его сообщений разных источников о Скифии. Результатом явился выход еще одной большой статьи о скифском обществе³⁵. Расширяя круг методов, обеспечивающих осмысление древних источников о скифах, автор вновь оспорил описанный ранее опыт толкования таких данных путем привлечения общих этнографических аналогий и соображений социологического плана. Взамен он предпринял попытку «специального историко-филологического исследования, прежде всего путем терминологического, текстологического, источниковедческого анализа самих античных источников, а также с использованием относящихся к этнически родственным скифам народам индоиранских материалов»³⁶, в частности осетинских данных, со времен В.С. Миллера широко привлекаемых для осмысления скифских социальных установлений. Источником же изучения подлинной скифской социальной терминологии ученый справедливо считал ономастику того времени³⁷.

В основу рассматриваемой статьи легло исследование в таком ключе терминов, в греческих источниках о скифах переданных словами οἰκείοι (οἰκεῖοι) – «родственники» и φίλοι – «друзья», а также содержащие эти термины свидетельства Геродота о существовавшем в Скифии обычае изготавливать чашу из черепа родственника, побежденного перед лицом царя (IV. 65), и о том, что погребальный кортеж умершего скифа в течение сорока дней возят по друзьям покойного, чтобы каждый из них почтил участвующих в ритуале родственников погребаемого обильным угощением (IV. 73). А.М. Хазанов, как и большинство исследователей (которые якобы исходили из общетнографических соображений, а на самом деле в соответствии с житейским здравым смыслом считали смертельные поединки между родственниками невозможными), полагал, что родство в этих случаях основано на фиктивной генеалогии и что здесь речь идет, собственно, о соотечественниках, а под друзьями подразумеваются именно родственники, родичи³⁸.

Между тем обычное право многих народов предполагает случаи смертельной вражды между родственниками, а также примеры решения имущественного либо иного спора между ними

³² Там же. С. 131–132. Вопрос о функциях именно этого персонажа в обществах древних иранцев, в том числе – у скифов, впервые, как мы уже видели, поднятый еще в «Ранней истории...», стал объектом внимания Э.А. Грантовского не только в «Проблемах изучения...», но и в одной из последних его статей, написанной совместно с А.И. Иванчику (см. Грантовский Э.А., Иванчик А.И. «Вестники» при дворах иранских царей // ВДИ. 1995. № 2). Впоследствии на страницах «Вестника древней истории» (1997. № 2. С. 245–246) предложенная Э.А. Грантовским трактовка статуса и функций скифских «ферапонтов» была ошибочно приписана А.И. Иванчику.

³³ Грантовский. Проблемы изучения... С. 131.

³⁴ Там же. С. 144.

³⁵ Грантовский. О некоторых материалах...

³⁶ Там же. С. 59.

³⁷ Там же. С. 59–61.

³⁸ Сводку данных по истории вопроса см. там же. С. 62–63.

посредством поединка перед лицом царя. Эта практика затрагивает прежде всего полноправных мужей-воинов. Судебные поединки известны и у разных, в том числе древних индоиранских народов вплоть до осетин, о чем в статье приведен разнообразный материал.

Рассмотренные параллели и терминологический анализ греческого текста дали Э.А. Грантовскому основание трактовать именно в таком ключе пассаж Геродота о скифе, побеждавшем родственников в вооруженной борьбе. Как замечает автор, «индоиранским бардам братоубийственные столкновения отнюдь не казались столь необычными, какими их в угоду «этнографическим закономерностям» считают некоторые современные авторы... Причины таких распрей могли быть различны... но в основе обычно лежали материальные, конкретные престижные и тому подобные моменты, борьба за собственность, родовое наследие, право старшинства»³⁹. Приведенный случай, судя по всему, не единичен: сходные казусы известны в киммерийско-скифской среде⁴⁰. В связи с описанным сюжетом Э.А. Грантовский затронул и другие описанные Геродотом военные обычаи скифов, приведя им выразительные аналогии из индоиранских традиций.

Что касается упомянутых у того же Геродота «друзей» скифа, то нет оснований, исправляя данные источника, воспринимать их как его родственников. Разным древним народам, в том числе кочевым, были знакомы не только родовые, но и разного уровня дружественные связи. Круг друзей отнюдь не ограничивался двумя-тремя людьми, а был гораздо шире, о чем свидетельствуют и иранские материалы. Засвидетельствованное Геродотом непременное участие друзей скифа в его похоронах «указывает на особые связи в культовом и обрядовом отношении, что... было характерно для "друзей" у иранских народов»⁴¹. Специфическим, но примыкающим к описанным случаям являлся институт «друзей» вождя или царя.

Таким образом, предпринятое Э.А. Грантовским рассмотрение материалов о скифах сквозь призму древнеевропейских и индоиранских аналогий позволило гораздо полнее, чем прежде, осветить ряд особенностей скифского общества. Приходится пожалеть, что автор, отвлеченный иными научными и организационными проблемами, не выполнил своего намерения продолжить заявленную этой статьей серию работ на обозначенную тему⁴².

Практически одновременно с изданием рассмотренной статьи Э.А. Грантовский принял участие в работе проходившего на страницах журнала «Народы Азии и Африки» Круглого стола по скифологическим проблемам⁴³. В обсуждении поднятых вопросов принял участие 20 специалистов, в числе которых благодаря тому, что дискуссия была организована восточноведным журналом, вопреки распространенной традиции находились как скифологи, так и ориенталисты. Но при всей широте принятого в названном Круглом столе подхода выступление Э.А. Грантовского оказалось одним из самых проблемных⁴⁴.

В нем было признано то высказанное в открывшей дискуссии обзорной статье обстоятельство, что скифология в самом деле развивается в нашей науке в основном как отрасль археологии, но отмечено, что в ней существуют и не менее важные *исторические* проблемы. Именно в этой работе он констатировал, что в скифологии археологический материал именно *исследуется*, тогда как сопоставляемые с ним письменные источники лишь *привлекаются*. Он подчеркнул роль, которую в работах о скифах призвана играть иранистика, когда-то использовавшаяся в таком контексте, но затем, с развитием обобщенно-формационного подхода, почти целиком из скифологии вытесненная. Кратко обозначив те методы работы со скифским материалом, которые подробно рассмотрены выше при разборе его предыдущих статей, Э.А. Грантовский остановился на ряде проблем, выдвинутых журналом на обсуждение. Важность его выступления состояла прежде всего в том, что оно, будучи опубликовано в рамках скифологической дискуссии, оказалось в поле зрения большого числа отечественных специалистов по скифской проблеме и тем самым стимулировало частичное преодоление профессиональных барьеров. Однако до подлинного утверждения междисциплинарного подхода в скифологии все еще далеко.

³⁹ Там же. С. 75.

⁴⁰ Там же. С. 69–72.

⁴¹ Там же. С. 77.

⁴² Так, к сожалению, не был осуществлен заявленный в рассмотренной статье анализ того, как следует трактовать встречающееся в греческих источниках о скифах понятие «ближайшие родственники» (οἱ ἀγχοτάτω / μάλοτα προσήκουτες) и кто у скифов считался таковым (см. там же. С. 76).

⁴³ Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Круглый стол // НАА. 1980. № 5, 6.

⁴⁴ НАА. 1980. № 6. С. 67–72.

С середины 1970-х годов в отечественной науке была поставлена на обсуждение еще одна тема, прямо связанная с изысканиями Э.А. Грантовского по этнической истории Северного Причерноморья в доскифскую и скифскую эпохи: О.Н. Трубачев возродил гипотезу о наличии на юге Восточной Европы во II–I тыс. до н.э. не только иранского, но и индоарийского по языковой принадлежности населения, к которому в первую очередь относили (в частности, благодаря сходству этнонимов) прикубанский народ синдов⁴⁵. О.Н. Трубачев существенно пополнил аргументацию в поддержку этой концепции. Затем он начал постепенно расширять ареал областей, приписываемых индоариям: к ним последовательно были отнесены синды и меоты Прикубанья и, вероятно, Приазовья, тавры Горного Крыма, сатархи северной части того же полуострова, обитатели упомянутой у Геродота (IV. 99) Старой Скифии. Что касается хронологических пределов обитания здесь этого населения, то они доведены по крайней мере до 800 г. н.э. Принятое же большинством специалистов мнение о полном преобладании в интересующих нас регионах ираноязычных народов исследователем было поставлено под сомнение⁴⁶.

Появление названной гипотезы было с интересом встречено историками разного профиля, в первую очередь археологами, всегда болезненно воспринимавшими нехватку сведений об этнической принадлежности изучаемых ими народов. Однако оценить меру обоснованности этой концепции большинство из них самостоятельно не могло, и поэтому требовалась проверка тех аргументов, на которых воздвигалась обсуждаемая гипотеза, квалифицированным и при этом достаточно беспристрастным специалистом. Мог ли в таком качестве выступить Э.А. Грантовский?

Здесь следует принять во внимание, что именно этому исследователю, наряду с В.И. Абаевым, принадлежало серьезное обоснование мнения о длительном пребывании индоиранских племен на юге Восточной Европы и об их разделении именно в этом регионе на две ветви – индоарийскую и иранскую⁴⁷. Поэтому прямо вытекающая из этого постулата гипотеза О.Н. Трубачева должна была бы встретить у него активную поддержку (не случайно в вопросе об индоарийском элементе в этногенезе обитателей Прикубанья они фактически оказались солидарны), если бы не характер обосновывающих ее доводов. Разбор этих доводов и стал темой работы, подготовленной Э.А. Грантовским совместно с одним из авторов настоящей статьи, хотя совершенно естественно, что именно первому принадлежали основные содержащиеся в ней идеи и лингвистические аргументы. Первоначально эта работа была доложена на очередном семинаре «Античная балканистика» в Институте славяноведения и балканистики АН СССР⁴⁸, а затем в расширенном виде опубликована в сборнике материалов одноименной конференции⁴⁹.

В этой статье отмечено, что при оценке принадлежности причерноморского населения скифской эпохи к иранской или индоарийской среде следует учитывать их значительную языковую близость и в то же время – сохранение в известных нам источниках весьма малой части древнеиранской лексики по сравнению с древнеиндийской. В таких условиях особенно показательно неуклонное увеличение числа надежных иранских этимологий для сохраненных античными источниками слов скифской эпохи. При этом весьма важны целостные смысловые блоки имен – такие, как образующие систему наименования героев скифского генеалогического мифа, скифские теонимы или имена представителей скифского царского дома. Не менее существенна иранская принадлежность тех скифских имен, в которых запечатлены сугубо иранские элементы морфологии, отсутствующие в индоарийском, например, показатель мно-

⁴⁵ См. прежде всего: *Kretschmer P. Inder am Kuban // AWW, PHK. 80 Jg. 1943 (1944)*. Об этом, кстати, в уже упомянутой популярной статье писали Э.О. Берзин и Э.А. Грантовский, на которых О.Н. Трубачев скрупулезно сослался (О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 4).

⁴⁶ Назовем лишь несколько работ, в которых нашли отражение основные элементы упомянутой концепции: *Трубачев. О синдах...; он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6; он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4; он же. «Старая Скифия» ('Αρχαία Σκιθία) Геродота (IV. 99) и славяне. Лингвистический аспект // ВЯ. 1979. № 4; он же. Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // ВЯ. 1981. № 2.*

⁴⁷ Из работ, содержащих обоснование этой теории, можно в качестве основных назвать следующие: *Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965; он же. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972; Грантовский. Ранняя история...*

⁴⁸ *Грантовский Э.А., Раевский Д.С. К вопросу об «индоарийском» этноязыковом элементе в Северном Причерноморье в античную эпоху // Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья». М., 1980.*

⁴⁹ *Грантовский, Раевский. Об ираноязычном и «индоарийском» населении...*

жественности *-ta*. В этих условиях вырывать отдельные имена из такого, иранского по своей природе, контекста и объявлять их индийскими – не слишком убедительный метод пересмотра этнолингвистической картины определенного региона в определенную эпоху. Весомым аргументом стало бы лишь выявление таких слов с индоиранской этимологией, которые по фонетическим особенностям не могут считаться иранскими. Помимо этимологических аргументов, у авторов вызвал возражения и способ отбора археологических, исторических и историко-культурных доводов в поддержку понимаемой таким образом индоарийской гипотезы.

По этой причине, проведя анализ целого ряда доказательств, выдвинутых О.Н. Трубачевым для ее подкрепления, авторы пришли к выводу, что многие из них продиктованы «общими концептуальными, а не собственно лингвистическими соображениями», и потому «в целом... пока не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике, и это – решающий фактор при оценке состояния индоарийской гипотезы в настоящее время. Напротив, совокупность надежно определенных иранских имен оставляет незыблемым вывод об ираноязычном этническом элементе как основном и пока единственно бесспорном среди местного населения Северного Причерноморья античной эпохи⁵⁰. Таким, по нашему мнению, положение с исследованием этнического состава населения региона в скифскую эпоху остается и по сей день⁵¹.

В последние годы жизни Э.А. Грантовский работал над давно задуманной им монографией о доахеменидском периоде истории иранских народов Ближнего Востока, в связи с чем вплотную занялся источниковедческим, хронологическим и иными аспектами анализа данных о пребывании в регионе киммерийцев и скифов. Эту работу исследователь проводил со всей свойственной ему тщательностью. Коллеги Э.А. Грантовского уже давно считали его труд готовым к публикации, но автор продолжал доводить работу до уровня, им самим себе заданного.

Именно в это время – в 1992 г. – журнал «Российская археология» начал растянувшееся на несколько лет обсуждение статьи И.Н. Медведской о периодизации скифской архаики⁵². Один из аспектов, оказавшихся в поле зрения исследовательницы, – хронология киммерийско-скифских походов в Переднюю Азию – пересекся с тогдашними интересами Э.А. Грантовского, который начал писать на эту тему статью. По состоянию здоровья работа продвигалась медленно, но, к счастью, редколлегия журнала, поняв ее важность, продлила дискуссию. Статья появилась в 1994 г.⁵³ и стала одной из последних прижизненных публикаций исследователя. Так случилось, что в этой работе Э.А. Грантовского две основные для него темы – иранство в целом и скифология в частности – оказались переплетены особенно тесно.

И.Н. Медведская в открывшей дискуссию статье, отталкиваясь от клинописных данных о киммерийцах и скифах в Передней Азии, предположила, что отсутствие в ассирийских текстах данных о пребывании в этом регионе скифов после 670-х годов до н.э., а киммерийцев – после 640-х годов доказывает отсутствие там означенных народов позже указанных дат; принципиально иные свидетельства на этот счет античной традиции во всех ее вариантах она посчитала абсолютно недостоверными и не имеющими какого бы то ни было исторического интереса⁵⁴.

Э.А. Грантовский же в монографии «Иран и иранцы до Ахеменидов», являвшейся, как уже упоминалось, основой для обсуждаемой статьи, увязывал данные о датировке киммерийско-скифских походов в области Востока с источниковедческим анализом всей хронологии Передней Азии доахеменидского времени, в том числе – античных свидетельств на этот счет. Поэтому, разбирая мнение И.Н. Медведской по указанной проблеме, он напоминал, что

⁵⁰ Там же. С. 62.

⁵¹ Спустя два с лишним десятилетия после публикации разбираемых работ О.Н. Трубачев издал монографию об индоарийском компоненте в античном Причерноморье (*Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь*. М., 1999). Если не считать этимологического словаря, составленного автором совместно с А.К. Шапошниковым преимущественно по данным своих опубликованных ранее работ, книга содержит только сборник статей из различных изданий 1975–1989 гг., текстуально повторяющий предыдущие публикации. Судя по всему, ни одно из высказанных Э.А. Грантовским и Д.С. Раевским замечаний О.Н. Трубачев не считал достойным внимания, хотя ссылка на их работу в книге имеется. Кто из оппонентов в этом споре прав, судить читателям.

⁵² *Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток* // РА. 1992. № 3.

⁵³ *Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии* // РА. 1994. № 3.

⁵⁴ *Медведская. Ук. соч. С. 103–105.*

клинописные сведения, подобные интересующим нас в рассматриваемой связи, вносились в ассирийские документы только в случаях, представлявших особый интерес для Ассирии или выгодных для ее репутации, и молчание источников о каком-либо событии само по себе ни о чем не свидетельствует. К тому же после начала 630-х годов ассирийцы вообще перестали составлять подобные тексты. Однако, к примеру, контекст последнего ассирийского сообщения о киммерийцах позволяет полагать, что северные воинские отряды и позже представляли в Передней Азии реальную силу⁵⁵.

Что касается античных свидетельств об интересующих нас событиях, то их содержание определяется характером греческой традиции, в том числе – ее представлений о доахеменидской Азии. При использовании свидетельств Геродота, из дошедших до нас авторов особенно подробно освещающего этот тематический блок, исследователи часто оказывают предпочтение его хронологическим выкладкам в ущерб иным – нарративным и генеалогическим. Между тем в ранней греческой историографии сведения о генеалогии намного предшествовали хронологическим изысканиям. Возникшие позже построения, призванные увязать различные исторические события на единой шкале абсолютных датировок, по самому своему происхождению оказываются весьма мало информативны, тогда как сохранные в античной традиции повествования о ходе этих событий могут существенно пополнить те сведения о них, которые обнаружены в разрозненных клинописных текстах⁵⁶.

Именно нарративная традиция, донесенная до нас античными авторами, помогает, по Э.А. Грантовскому, воссоздать значительную часть не засвидетельствованных клинописными текстами событий, связанных с падением Ассирии, возникновением Мидийского царства и киммерийско-скифскими походами в древневосточные земли. Основную канву рассказов об этих походах исследователь полагает верной, тогда как представление об их хронологии, в том числе версию Геродота о 28-ми годах скифского господства в Передней Азии он считает скорее всего лишь плодом недоразумения или неудачной историко-хронологической калькуляции самого древнего историка либо кого-то из его предшественников, работавшего с искусственной общей схемой хронологии Азии⁵⁷. Сопоставив же – на основе источниковедческого анализа – античные данные о киммерийских и скифских походах в ближневосточные области с более или менее надежно датированными событиями собственно древневосточной истории, можно, как показал Э.А. Грантовский, достаточно убедительно вписать скифскую переднеазиатскую эпопею в контекст истории древнего Востока.

Безвременная кончина Эдвина Арвидовича Грантовского 28 июня 1995 г. прервала его работу над все еще совершенствуемой последней книгой. Представить ее на суд читателей стало делом чести его коллег, и в 1998 г. монография увидела свет⁵⁸. Она увенчала труды исследователя, сумевшего, помимо всего прочего, поставить на службу скифологии иранистику и антиковедение. Теперь скифологи должны продолжить движение в том же направлении по уже проторенному пути.

И в самом деле, хотя настоящая статья целиком посвящена трудам Э.А. Грантовского – это не просто дань его памяти, но попытка в меру наших скромных сил способствовать тому, чтобы свойственный ему подход к изучению истории и культуры скифов получил, наконец, признание скифологов. При этом мы отнюдь не призываем уделять основное внимание письменным источникам, а не археологическому материалу – как мы видели на многочисленных примерах, это само по себе никоим образом не гарантирует надежности выводов. Дело, как нам кажется, в том, что все мы склонны принимать на веру мнения специалистов в смежных областях, – особенно если они совпадают с нашими, – не замечая, что иногда мы исходим из взаимоисключающих посылок, тогда как междисциплинарное исследование бесписьменного общества, каким по определению является скифское, предполагает овладение основами смежных профессий. Историк должен понимать принципы сравнительно-исторического языкознания, лингвист обязан разбираться в принципах выделения археологических культур, археолог – в источниковедении письменных памятников, и т.п. Нельзя использовать только достиг-

⁵⁵ Грантовский. О хронологии... С. 24.

⁵⁶ Там же. С. 30, 37; см. также *Топоров В.Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту, 1973. С. 128–131.

⁵⁷ Не исключено, что представление о 28-летнем походе возникло в греческой литературе в результате переосмысления скифских воинских обычаев, о которых можно судить по осетинским материалам. См. об этом: *Раевский Д.С.* К толкованию числовых данных в древних исторических свидетельствах // Живая старина. 1977. № 3.

⁵⁸ Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998.

нутые в другой области конечные результаты: в этом случае мы неизбежно приходим к утверждениям типа «распад индо-иранской общности на основании археологических данных следует отнести к периоду не позднее конца IV тыс. до н.э.»⁵⁹ (самое забавное в данной ситуации то, что это пишут признанные специалисты по исторической лингвистике). Разумеется, не обязательно самому прокладывать свой путь во всех упомянутых дисциплинах (да и немногие на такое способны), но нужно уметь шаг за шагом повторить путь коллеги: и для того, чтобы правильно понять его логику, и для того, чтобы по возможности не повторить неизбежных ошибок первопроходцев. При этом, по справедливому замечанию Э.А. Грантовского, «кропотливый источниковедческий анализ может привести к выводам, которые окажутся увлекательнее (а главное – доказательнее) самых смелых, но произвольных гипотез»⁶⁰.

С.В. Куланда, Д.С. Раевский

---

⁵⁹ *Гамкрелидзе, Иванов.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. С. 917. См. об этом: *Грантовский.* Иран и иранцы до Ахеменидов... С. 88.

⁶⁰ *Грантовский.* Иран и иранцы до Ахеменидов... С. 301.